

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**КИНО КОНЧИЛОСЬ
ДУБЛЕЙ НЕ БУДЕТ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Кино кончилось. Дублей не будет / Владимир Кольчев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Кольчев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-699-96110-8

Капитана полиции Максима Юрева как-то пригласили сниматься в кино, где он сыграл крутого парня. На этом актерская карьера для него завершилась, и капитан вернулся в реальную жизнь. Впрочем, и здесь головокружительных приключений оказалось с лихвой: бандитские кланы затеяли новые междоусобицы, и опер Юрьев подключился к расследованию запутанного и опасного дела. Но что с ним? Он забыл, что это не съемочная площадка и что вокруг — не декорации? Почему Максим, забыв о страхе, кидается в самое логово криминальных отмозгов?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-96110-8

Глава 1

В голове пьяная зыбь, сознание в тумане, в одной руке бутылка, в другой стакан. Но это не мешает стремительно бежать по улице, стреляя на ходу. Один противник убит, другой ранен, третий выскакивает из машины, собираясь выстрелить в упор. Но доблестного капитана Костина должны ранить в конце следующей серии, а сейчас его ничем не возьмешь. Удар, подсечка...

Схватка с бандитами продолжается. Капитану Костину нет равных в этом бою. Сильный мужик, мощный, brutalный. Жесткий взгляд голубых глаз, римский нос, волевой подбородок. В каждом движении чувствуется разрушительная энергия.

Капитан Костин вел беспощадную войну с преступным миром. Он уже проклят воровским сходом, его приговорили к смерти, но у злодеев ничего не выйдет. Костину придется туго, но победа будет за ним.

Максим отвел взгляд от экрана телевизора, поднес горлышко бутылки к стакану. Рука дрогнула, спиртное хлынуло на пол.

Реальная действительность не очень стыкуется с киношной. Максим тоскливо усмехнулся. Там, в телевизоре, он проливал кровь, а здесь — виски. Кровь была бутафорской, а виски — настоящим. Но лучше бы он вернулся на экран, в надуманный мир, чем пропадал здесь, в реальности.

Да вот не зовут его в кино. Третий год ни одного предложения. Хотя бы на вторую роль пригласили, пусть в эпизод.

Одно утешение, фильмы с его участием не сходят с экранов. Только вот крутятся они вхолостую. Возможно, кто-то из режиссеров смотрит сейчас на Максима, но видит в нем изъян. Звонка не будет. Значит, и ехать никуда не придется.

Максим все-таки наполнил стакан, выпил, откинулся на диване, закрыл глаза. Москва далеко, ее дыхание можно ощутить лишь через телевизор. Но и в столице делать ему нечего. Там он песчинка, а здесь, в провинциальной глуши — звезда экрана. Его узнают, на него смотрят. Только нет у него желания с кем-то видеться. Потому и прячется за бутылкой. От всех, но прежде всего от самого себя.

«Я знала, что ты придешь».

Максим открыл глаза и увидел Оксану. Она исполняла роль девушки, которую похитили бандиты. Капитан Костин спас юную красавицу. Вот она с благодарностью смотрит на него, нежно улыбается. Глаза у нее цвета морской волны, пронизанной солнечными лучами, улыбка — фонтан светлых чувств, рвущихся наружу.

«На тебя можно положиться», — говорит она.

«Можно на меня. Или просто рядом лечь», — острит Костин.

Сцена удалась. Тогда, пять лет назад, они с Оксаной выпили по этому поводу. В тот же вечер она впервые легла на него. С тех пор они вместе.

Сейчас Оксана занята в новой роли. В отличие от мужа, жена востребована в кино. Сериал будут снимать долго. Она в Москве, но освободится никак не раньше, чем через месяц.

Можно бросить все и поехать к Оксане. Но это будет выглядеть так, как будто Максим Юрьев не доверяет своей жене. А еще он мог приехать за ролью. Мало ли, вдруг режиссер из уважения к Юрьеву воткнет его в какой-нибудь эпизод. А слухи не просто ползут как змеи, они еще и жалят.

Мысли о собственной никчемности еще и душат, удавом обвиваются вокруг шеи. Здесь, в одиночестве, за бутылкой, Максим еще как-то держался. Там, рядом со своей женой, он будет чувствовать себя законченным неудачником.

А она такая, что и подколоть может. Если вдруг он своим появлением испортит ей романтическое настроение или даже обломает роман с главным героем, возлюбленную которого Оксана играет.

Увы, но иллюзий насчет святости своей жены Максим не строил. Жизнь актера — сплошь ярмарка тщеславия, где страсти кипят с утренней силой. А еще на этой ярмарке у всех своя цена. У Максима, к сожалению, котировки неважные.

Зато Игорь Частный в большом фаворе. Режиссеры выстраиваются за ним в очередь. А мужик он видный. Оксана сейчас играет роль его возлюбленной, а в образ она, как правило, входит так глубоко, что дальше некуда.

Максим выключил телевизор, взял стакан, немного подумал и отставил его в сторону. Лень возиться. Он выпил прямо из горла. Два-три глотка, и бутылка опустела. А больше нет. Так может, и хватит?

Максим тяжело мотнул головой. А как же тетушка? Он должен ее помянуть.

Нехорошо получилось. Максим рванул в Ковалев сразу же, как узнал о ее смерти, но приехал лишь на следующий день после похорон. Тогда и узнал, что тетушка завещала ему свой дом. Не было у нее других близких родственников. А он и вовсе осиротел. Потому и пьет четвертый день кряду. Или пятый?..

Максим поднялся. Надо посчитать, сколько он в запое, и продолжить до девятого дня. А потом уже можно будет и остановиться.

Он взял бумажник, заглянул внутрь. Четыре тысячи с хвостиком. На карточке тоже что-то есть, хотя и совсем немного. С деньгами у него сейчас неважно. Потому что работы нет. Но когда-нибудь ему обязательно повезет.

Машина осталась в Москве. До магазина рукой подать. Только добраться до него будет непросто. Максим не мог показаться на людях с щетиной на физиономии. Он побрился, вбил в кожу лица жменю крема, сбрызнулся одеколоном. Причесываться не надо — стрижка у него предельно короткая. И свежая рубашка-поло есть.

Продавщица узнала Максима, потупила глазки, улыбнулась прилавку, за которым стояла, только затем осмелилась на откровенный взгляд. А девушка ничего, симпатичная. Можно было бы крутануть с ней. Но у Максима траур, ему нельзя.

Хотя и ударить в грязь лицом перед девушкой он не мог. С деньгами неважно, пора переходить на режим экономии, но что подумают люди, если Максим Юрьев купит обычную водку? Пришлось брать пару флаконов самого дешевого виски.

Возвращался Максим в раздумье. Дешевое хорошим не бывает, вдруг он купил какую-то паленку? Тревожные мысли расшатывали шаг, и без того не особо твердый, даже сужали кругозор. Он едва не врезался в машину.

Белый «фолькс» с приоткрытой водительской дверцей стоял у ворот, ведущих во двор частного дома. Полотно отошло в сторону лишь наполовину. Хорошенькая девушка давила на него, но без толку.

— Я могу вам чем-то помочь?

Максим не мог пройти мимо. Во-первых, тут требовалась мужская сила. Во-вторых, его привлекла эта особа. Очень красивая молодая женщина.

— Вряд ли, — невесело отозвалась она.

Максим не заметил в ее взгляде узнавания. Интерес вроде бы шевельнулся, а удивления не было.

— Почему?

Он шел к воротам, а смотрел на женщину. Черты лица у нее не просто красивые, в них яркая индивидуальность и выразительность. Волнующая линия носа, чувственные губы. В глазах поволока, сотканная из тайных желаний.

— Электродвигатель сломался, — со знанием дела сказала она.

— Должен быть ручной механизм.

— Заклинило его.

— Одно к одному. Это знак.

Женщина глянула на него настороженно, с застывшей улыбкой на краешке губ. Она и сама, казалось, понимала, что это знак, но хороший он или плохой, вот в чем вопрос.

— Дом у вас, я смотрю, новый.

Особнячок небольшой, полтораэтажный, из кирпича цвета слоновой кости. Все прилизано, причесано. Вид как на картинке.

Раньше на этом месте стоял дом, в котором жил Мишка Жмыхов. Максим то дружил с ним, то враждовал. В армию вместе уходили. Как ушли, так и не вернулись.

Максим отслужил, поступил в школу милиции, а по выпуску домой не поехал, в Москве остался. Первое время в Ковалев приезжал каждый год, а потом как-то недосуг стало. Шесть лет кряду его здесь не было, тетка одна пропадала. Без него и умерла. Может, в пакете у него не бутылки звенят, а совесть вызывает?

— Новый, — подтвердила женщина.

— И ворота, должно быть, новые. А мотор старый могли поставить. Или бракованный. Может, ломиком?..

— Нет, я лучше мастера вызову.

— А ворота?.. Может, вам их нарочно сломали? — Максим ущипнул себя за подбородок. — Муж-то ваш где?

— Я не замужем.

— Макс! — Он взял под козырек.

— Макс, может, вам уже пора? — раздраженно спросила она, махнув перед носом ладонью.

Максим нахмурил брови. Плохи у него дела, не складывается знакомство. Он сам в этом вино-

ват. И перегаром от него разит, и земля под ногами шаткая. А раз так, то лучше не усугублять ситуацию. Тем более что прекрасная соседка от него никуда не денется.

— Понял. Ухожу. — Он сделал шаг в обход машины.

— Вы случайно не из полиции? — с чувством неловкости спросила женщина.

Максим повернулся к ней, зафиксировал положение в пространстве, кашлянул в кулак, прочищая голосовые связки.

— Из милиции.

— Милиции уже нет, — внимательно глядя на него, сказала она.

— А меня нет в полиции. Когда я увольнялся, еще милиция была.

Оксана — актриса по призванию. Она с детских лет мечтала о карьере в кино. А Максим даже не знал, кем хотел быть. Отслужил в армии, поступил в школу милиции, в звании лейтенанта пришел в уголовный розыск.

Он был капитаном, когда к ним в отдел пришли киношники. Они снимали фильм про бравых оперов, предложили ему попробовать себя в эпизоде. Максим справился и вскоре получил роль второго плана. Чуть погодя последовало приглашение на главную. И понеслось. Из милиции ему пришлось уволиться, да он, в общем-то, и не жалел об этом.

Максим не относился к той породе актеров, которые изо всех сил рвались к высотам, мечтали стать великими. Не было в нем того тщеславия, как, например, у Оксаны. Ему требовались деньги, а заработать их он мог, только снимаясь в кино. Уда-

ча теперь отвернулась от него. Не было прежнего форта, потому душа и болела. Слава сама по себе Максима интересовала мало.

Соседка его не узнала, но ему не было обидно. Если только самую малость.

— Уволились?

— Думаете, уволили? За это дело? — Максим усмехнулся и щелкнул себя по горлу.

Соседка пожалала плечами. Может, его действительно уволили за пьянство, но ей все равно, как оно было.

— У меня горе. Тетя умерла. — Он кивнул в сторону дома. — Воспитывала меня.

— Понимаю.

— Не думай, что я оправдываюсь, — переходя на «ты», сказал он и снова повернулся спиной к воротам.

Не стоит ему, Максиму Юрьеву, разговаривать с женщиной, которая не захотела назвать свое имя.

Она, похоже, угадала его мысли и негромко сказала:

— Меня Рита зовут.

— Всего хорошего, Рита, — не поворачиваясь, сказал он, приподнял руку и небрежно пошевелил пальцами.

Рита чертовски хороша, секса в ней как меда в улье, но нельзя показывать ей, что ты на нее запал. Мужчина может предложить знакомство, но не должен его навязывать. Многословие — совсем не тот конек, на котором нужно подъезжать к женщине. А он тут разговорился, еще и оправдываться начал.

— Может, ломиком попробуем? — спросила она.

В ее голосе угадывался намек. Максим оставился. Рита осознала свою вину. Она уже навязывается. Значит, он будет полным идиотом, если уйдет.

Максим развернулся на сто восемьдесят, вплотную приблизился к ней и заглянул в глаза с иронией заправского сердцееда. Рита качнулась как маятник часов, от него и к нему.

— Зачем пробовать? Ломик есть. Сделаем, — сказал он.

— Хотелось бы поскорей. — Ее голос дрогнул от волнения.

Трефовый король и две дамы, червовая и пиковая. Десять очков. Если придет туз, то будет полный набор. Двадцать одно очко — это безоговорочная победа. На кону почти миллион деревянных. Вильям щелкнул пальцем по карте. Если вдруг повезет, он купит своей даме пик новую машину.

Перед ним легла карта, Вильям взял ее. Бубновый туз. Ни одна черточка не шевельнулась на его суровом лице, но душа расправила крылья.

— Двадцать одно!

Он выложил карты на стол, и в его взгляде мелькнула ехидная искорка, адресованная Сербу. Тот набрал двадцать очков. Этого должно было хватить, но туз Вильяма сломал ему игру.

Серб знал жизнь как изнутри, так и с изнанки. Шутка ли, почти двадцать лет по лагерям да пересылкам.

Он даже глазом не моргнул, спокойно посмотрел на Вильяма и сказал:

— Поздно уже. Я пойду.

Отыгрываться Серб не стал. Шулер он знатный, но в казино не смухлюешь. Во всяком случае, в том, которое держит Ираклий Львович. Заведение подпольное, но игра идет чисто по понятиям. Если в долг, то только в виде исключения. А с наличностью у Серба проблемы. Видно, все спустил. Потому и уходит.

— Спокойной ночи, Яков Тимофеевич, — сдерживая насмешку, сказал Вильям.

Серб не изменился в лице, но взгляд его заледенел.

— И тебе, Вильям Андреевич, без кошмаров.

Серб ушел, а Вильям попросил коньяку. Официантка подала ему бокал, наполненный на два пальца. Он выразительно глянул на нее.

Лера, как и всегда, выше всяких похвал. Изумрудные глаза, коралловые зубы, улыбка знойная как тропическое солнце. Декольте напоминает витрину торгово-выставочного комплекса, грудь напоказ. Платье короткое, ножки стройные, туфли на высоком каблуке.

Но о цене с ней лучше не договариваться. Ираклия Львовича это возмутит. За попку Леру трогать не стоит.

Вильям плевать хотел на Ираклия Львовича. Надо будет, кровь он ему пустит без всякого зазрения совести. Но сейчас у него не было желания ссориться с ним из-за бабы.

Тем более что у Вильяма две свои дамы. Червовая — юная жена, пиковая — еще не старая любовница. Обе под сильным эротическим напряжением. Коснешься и пропадешь. Софи, правда, еще неопытная, загорается с трудом. Зато Марго вспы-

хивает как спичка и брызжет искрами как бенгальский огонь.

— На два пальца, говоришь?.. — в раздумье проговорил Вильям.

Он смотрел на бокал, а обращался к официантке.

— Тебе нравится на два пальца? Или на полную лучше?

Лера игриво улыбнулась и отправилась наполнять бокал до краев. Чтобы клиент не утратил интерес к процессу, она вильнула перед ним бедрами, вызвав тем самым интересный вопрос. К кому ехать — к жене или к любовнице? Время действительно позднее, но сон еще не стучится в дверь. И порох в пороховницах сухой. Марго умеет зажигать. Но так и Софи тоже мастерица по этим делам.

А может, все-таки закадрить Леру, пообещать ей хороший подарок? У Вильяма была тайная квартира, куда он мог привести случайную любовницу. Эта хата неподалеку от заведения. Там все на мази, Лере понравится. Если она согласится. А вдруг нет?

Вильям качнул головой. Нет, не станет он утруждать себя, отправится домой, к жене. В конце концов, поздно уже.

Грудь у Риты как наливное яблочко, маленькая, упругая, глянцевая. Гладить ее — одно удовольствие. Она лежала на спине, восстанавливая дыхание. Обнаженное тело слегка увлажнилось, но пот на нем не выступил.

— Что это было? — спросила она.

— Повторенье — мать ученья, — сказал он, любясь изгибами женского бедра.